

ЧЕЛОВЕК В КУЛЬТУРЕ

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-375-389

УДК 130.2

ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФУНДАМЕНТ ПРИВАТНОСТИ

Чеснокова Леся Владимировна,

кандидат философских наук,

*сотрудник Омского государственного университета
путей сообщения,*

Россия, 644046, г. Омск, пр. К. Маркса, 35

ORCID: 0000-0003-4283-0443

L.Tchesnokova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается связь потребности в приватности с развитием индивидуалистического начала. Право на приватность как автономность собственной личности впервые возникло в западноевропейской культуре, базирующейся на идее индивидуализма. Приватность защищает индивида от нежелательного вмешательства общества и государства. Реализация права на приватность зависит от норм и обычаев общества. Процесс индивидуализации происходил в результате перехода от традиционного общества к обществу модерна, предоставившему человеку как право, так и обязанность принимать решения относительно собственной жизни. Индивид получил шанс стать творцом собственной судьбы, которая ранее была социально предопределена.

Для развития приватности и индивидуализма требуется соответствующий социокультурный фундамент, который возник в ходе эволюционного процесса, берущего начало в Высоком Средневековье и ускорившегося при переходе к Новому времени. На развитие внутреннего мира как основания субъектности особенно повлияли католическая исповедь, побуждавшая к анализу собственных душевных побуждений, и учение протестантизма с его идеей личной ответственности.

Свое отражение рост индивидуальности сознания находит в искусстве портрета и автопортрета, изображающего человеческое лицо в его неповторимости. Усиление интереса к своему «Я», к собственной эмоциональной жизни выражается в интроспекции, анализе собственных чувств и побуждений, о чем свидетельствует рост числа автобиографических источников. Растущая грамотность населения привела к популярности литературно-философских обществ, дискуссии которых создали платформу для буржуазной публичности. Индустриализация, повлекшая за собой разделение мест работы и отдыха, послужила возникновению дома как закрытого приватного пространства и нуклеарной семьи как одной из важнейших

ценностей буржуазного общества. Индивидуализация принесла для человека как новые шансы в виде права на самоопределение и самостоятельное развитие, так и определенные риски и противоречия, такие как страх одиночества, ощущение выброшенности в мир, а также необходимость делать самостоятельный выбор и единолично нести ответственность за его последствия.

Ключевые слова: приватность, индивидуализм, автономия личности, Новое время, западноевропейская культура, нуклеарная семья, буржуазное общество.

Библиографическое описание для цитирования:

Чеснокова А.В. Индивидуализированное общество как социокультурный фундамент приватности // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 3, ч. 2. – С. 375–389. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-375-389.

Слово «приватность», происходящее от лат. *privare* – «отделять», *privatum* – «собственное», означает закрытые для публичности сферы. Приватное относится не к общественному, а только к отдельной персоне или ограниченной группе лиц, которые находятся в тесных или доверительных отношениях друг к другу [5]. К сфере приватного принадлежит то, что находится «в области опыта субъективности и межличностных отношений, любви, семьи, детей, дружбы, эротики, секса, эмоционального мира личных переживаний» [8, с. 31], т. е. к важнейшим областям человеческой жизни.

Право на приватность включает в себя свободу мыслей и убеждений, защиту от непрошеного вмешательства, неприкосновенность тела, территории, личных вещей, информации о себе. Приватность является одним из условий развития и сохранения индивидуальности как признания права на собственную психическую и физическую реальность. То есть в центре приватности всегда находится индивид. Понимание приватности как одного из прав человека не может быть понято без его сущностной связи с западными ценностями, согласно которым бытие человека имеет приоритет над другими вещами.

Многие теории приватности базируются на предпосылках индивидуализма как мировоззрения, которое в качестве высшей ценности провозглашает интересы отдельной личности. Любой человек имеет право на приватность, т. е. на возможность закрывать отдельные области своей жизни от доступа общества и государства. По мнению С. Бенна, «общий принцип приватности должен основываться на более общем принципе уважения к личности» [9, р. 228], т. е. к субъекту, осознающему себя самого в качестве действующего лица, ставящего и добивающегося определенных целей. Это предполагает исключительное право решать собственную судьбу.

Уважение к индивиду подразумевает уважение к его выбору и принятым им решениям, признание того, что он самостоятельно может выбрать свой путь и имеет право на ошибку.

Право на приватность включает в себя личностную автономию и достоинство. По словам Д. Реймана, «приватность – это социальный ритуал, с помощью которого присуждается моральное право индивида на его существование. Приватность – это существенная часть комплекса социальных практик, с помощью которых социальная группа узнает и коммуницирует с индивидом таким образом, что его существование остается его собственным» [16, р. 310]. Приватность защищает человека, признавая за ним право обладать собственной физической и ментальной реальностью. Это предполагает отношение к другому как к субъекту, наделенному собственными чувствами, личными границами и устремлениями, способному самостоятельно совершать действия и нести за них ответственность.

Ключевыми характеристиками приватности выступают закрытость от посторонних, интимность и индивидуальность. Здесь индивид может по своему желанию побыть в одиночестве. В 1890 г. в США юристы С. Уоррен и Л. Брандайс написали статью «Право на приватность», в которой они провозгласили «право быть оставленным в одиночестве» («right to be let alone»), используя эту фразу как определение приватности. Имеется в виду возможность выбрать уединение от других и быть защищенным от чужих взглядов в собственном приватном пространстве. Ранее «право на жизнь» служило для защиты субъекта от физического насилия, «право на свободу» означало свободу от заключения в тюрьму, а «право на собственность» защищало принадлежащие человеку земли и скот. Постепенно с признанием духовной природы человека, его эмоциональной и интеллектуальной сфер масштаб юридических прав расширился, и теперь «право на жизнь стало означать право наслаждаться жизнью; право на свободу обеспечивает осуществление широких гражданских привилегий; и термин “имущество” вырос до любой формы владения – как нематериальной, так и материальной» [19, р. 75].

Приватная жизнь по своему содержанию индивидуализирована, но ее реализация и формы существования зависят от общественной среды. Для развития индивидуализма в границах приватной сферы требуются определенные условия: соответствующие нормы, обычаи и социокультурный фундамент. Индивидуализм и потребность в наличии приватного пространства не заданы изначально в человеческой цивилизации, а являются результатом длительного процесса, по-разному протекающего в разных культурах и социальных слоях.

Процесс индивидуализации продолжается последние несколько веков с переходом от традиционного к современному обществу. На Западе он

был ускорен благодаря «значительному улучшению материальных условий жизни, растущей географической и социальной мобильности и расширению образовательных возможностей» [12, S. 485, 486]. Этот стремительный трансформационный процесс не только отменил старое деление общества и тем самым создал новые шансы, но и потребовал индивидуального выбора с его преимуществами и рисками. Индивид получил шанс стать творцом собственной судьбы, которая ранее была социально предопределена.

Право на неприкосновенность приватной жизни каждого человека стало доступно по историческим меркам совсем недавно – вместе с развитием технологического, экономического, политического и культурного состояния общества. Человеческая психика адаптируется к условиям окружающей среды. Постепенно в связи с ростом индивидуализации сознания происходит рост потребности в собственном физическом и ментальном пространстве. В ходе человеческой истории сфера приватности расширялась в зависимости от возрастания роли индивида в обществе. Это развитие приватной сферы происходило и происходит неравномерно в разных культурах и социальных слоях.

Можно утверждать, что возможность иметь свое приватное пространство – это роскошь, возникающая, когда удовлетворены витальные потребности человека. Как правило, в более бедном обществе, проблемой которого является выживание, положение индивида определено интересами и требованиями коллектива. В обеспеченном обществе положение индивида в меньшей степени определено его группой, и он обладает свободой действовать исходя из собственных побуждений и потребностей. В Европе потребность в приватности увеличивается с ростом среднего класса и повышением уровня жизни в эпоху Нового времени. В России она развивается в первую очередь у богатых европеизированных слоев. Крестьянские массы, связанные с необходимостью повседневного выживания, долгое время разделяют традиционную психологию общины.

Индивидуализация связана с развитием внутреннего мира как основания субъектности. Благодаря сознанию человек сумел выделить себя из окружающей среды. Можно предположить, что эволюция самосознания происходила параллельно пространственному отделению людей друг от друга и возникновению частной собственности. Представителям архаичных культур свойственно синкретичное мифологическое сознание, когда внешнее и внутреннее пространство, личность и ее социальное окружение еще не дифференцированы. Хотя существовали природные различия, определяющие функции и положение индивида в племени, «индивид был интегрирован в общине не как ее автономный член, а как частица органического целого, немислимая отдельно от него» [4, с. 178]. В первобытном

обществе было невозможно автономное от общины существование. Индивид был неразрывно связан со своими соплеменниками, определяющими его мысли и поступки, поскольку не мог действовать в роли независимого субъекта.

Эпоха Античности также еще не знала идеи индивидуальности в нашем понимании. Добродетелью считалась не индивидуальная неповторимость, а следование традиционному порядку. Как отмечает Л.М. Баткин, хотя были олимпийские лавры, агон древних эллинов, римские триумфы и прочие почести выдающимся гражданам, человек воспринимался лишь в контексте общества, к которому он принадлежал. Особое положение античного героя или средневекового праведника есть «наибольшая степень включенности, нормативности, максимальная воплощенность общепринятого. Короче, образцовость. Следовательно, нечто противоположное тому, что мы понимаем под личностью» [1, с. 12]. Хотя действия мифологического героя – это зачастую преступление против общепринятых норм, они трактуются как положительные, поскольку героям позволено больше, чем рядовым членам общины. Причиной того является убежденность, что герои подчиняются воле богов, т. е. высшему универсальному началу.

Жизнь человека средневекового общества была неотделима от семейной и религиозной общины, рода, сословия. Обладание собственным «Я» означало наличие своего места в иерархическом ряду. Для Средневековья «обособленно-индивидуальное – это акциденция, то есть нечто вторичное, частное, случайное, бременное и тягостное в человеке. Первостепенно же, напротив, только то, что причащает соборному и вечному» [Там же, с. 20]. У средневекового человека не было ни возможности, ни потребности в уединении. Вся его жизнь и смерть проходила на виду, на глазах общины. Средневековое общество не знало индивидуального выбора. Положение каждого человека было регламентировано: его род занятий, семейное положение, мировоззрение. Каждому сословию был присущ определенный набор обязанностей и добродетелей. Он не мог и не желал вырваться за пределы данного ему при рождении положения, идентифицируя себя через него. Поэтому мир средневекового человека еще не психологичен и не индивидуалистичен. Описания героя в текстах сводятся к перечислению набора приписываемых людям его сословия качеств (храбрость у рыцаря, красота у дамы), а портреты еще не несут личностных черт, а изображают образцового представителя своего сословия.

Однако уже в европейском Средневековье возникают предпосылки индивидуального мироощущения. В первую очередь это обязательная исповедь, повлиявшая на развитие способностей к интроспекции и самоанализу. Необходимость ежегодной исповеди для всех католиков повлияла на развитие западноевропейского менталитета. Процедура исследования

собственных душевных побуждений имела огромное значение. Люди всё больше внимания обращали на собственные ощущения, а не на реакцию социального окружения. Изменилось отношение к греху: «Если в раннем Средневековье он воспринимался как результат воздействующих на человека извне злых сил, то позднее он понимается как внутренняя человеческая интенция, направленная против Бога» [10, S. 43]. Происходит субъективизация душевной жизни человека: важным становится не ритуальное внешнее покаяние за грехи, а искреннее внутреннее раскаяние.

Верующий должен был постоянно следить за собой, контролировать свои действия, отчитываться за свои поступки, анализировать внутренние интенции и принципы поведения. Процедура исповеди требовала осознания не только греховных действий, но и намерений. Растущее стремление полагаться на самого себя, осознание недостатков церковной жизни побуждали верующих самостоятельно искать веру и спасение, что в конечном итоге привело к Реформации. Попытки теологов найти ответы «средствами субъективного разума привели к западному интеллектуализму и истории эмансипации думающего индивидуума» [15, S. 39]. Особенно усилились духовные поиски в позднем Средневековье с его острым восприятием смерти как собственной, личной смерти и страха за собственное спасение. Эти искания усилили индивидуальное сознание и создали предпосылки для перехода к модерну.

Учение протестантизма с его идеями личной ответственности и индивидуального спасения также повлияло на мировоззрение, предполагающее «личное отношения к Богу, в котором любой поступок приобретал последнее и решающее значение для дела спасения, а вся жизнь подчинялась духовному самоконтролю» [2, с. 7]. Исследование внутренних глубин «Я», осознание противоречивости человеческой природы, разрывающейся между спасением и грехом, намерением и поступком, задавали перспективу философских и психологических размышлений о сущности человека.

В целом ряде областей с эпохи позднего Средневековья растет роль индивида, в том числе в изобразительном искусстве. Никакой другой жанр искусства не отражает процесс индивидуализации при переходе от Средневековья к Ренессансу в такой степени, как портрет и автопортрет. Его представленность растет от единичных изображений XII–XIV вв. к множеству портретов XV–XVI вв. Структура этого процесса зависит не столько от внешних факторов, сколько от культурно-социальных условий, которые постепенно подталкивают художника к изображению индивидуального человека. Человеческий образ был художественно представлен во всех культурах, но его форма была совершенно различной. В этом процессе принимали участие не только художники, но и зрители как важная инстанция, которая решала, «будет ли картина понята как изображение от-

дельного индивидуума или как персонифицированное представление стилизованной фигуры» [18, S. 80].

В раннем Средневековье делались изображения со стилизованными чертами лица, которому не придавались индивидуальные черты. Художники не выходили за границы определенного круга сюжетов. «Неумение» отображать индивидуальные черты человека было на самом деле выражением иного мировоззрения, «отделением “поверхностного” и преходящего (то есть индивидуального) от глубочайшего и вечного (то есть родового). В человеке – для средневекового художника – ценность представляло лишь вечное и неизменное начало» [4, с. 192]. До XIII в. индивид остается здесь включенным в представления о божественном порядке, в космос и мир. Однако постепенно человека начинают изображать в его душевно-телесной исключительности. Чтобы написать индивидуальное изображение, художник должен был обладать осознанием неповторимости и ценности личности, которое начинает распространяться в эпоху позднего Средневековья и особенно Ренессанса.

Впоследствии на смену старому сословному порядку приходит капиталистический уклад, который требует новых качеств: инициативности, предприимчивости, умения самостоятельно принимать решения в условиях конкуренции. В результате меняется роль «Я», растет самосознание и субъективно-личностное мироощущение. Человек вырывается из-под власти общественных институтов, более не будучи жестко привязанным к своей социальной роли, имея больше возможностей влиять на свою судьбу.

В эпоху Нового времени произошли социальные изменения, приведшие к возникновению приватной жизни. С увеличением численности населения и разделением труда появляется возможность вступать в контакт с людьми, не входящими в узкую группу родственников и знакомых. Индивиду приходилось постоянно делать личный выбор, благодаря чему постоянно увеличивались его возможности и свобода действий. Если ранее субъективные желания и потребности, не служившие пользе коллектива, не имели права на существование, то теперь человек получил право отстаивать свои собственные интересы.

Одновременно растет интерес к своему «Я», к эмоциональной жизни, усиливается саморефлексия. Это связано не только с ростом грамотности и увеличением количества книг, но также и с секуляризацией. В то время как уменьшается значение потустороннего мира, сильнее становится ценность мирской жизни, предполагающая необходимость влиять на собственную судьбу. Освобождение от принуждений традиционного общества – это процесс самоопределения. В новых условиях индивид постоянно был принуждаем к ориентации в непривычных для себя условиях, к не-

обходимости приспосабливаться к кризисам и конфликтам быстро меняющегося общества.

Постепенно укрепляются представления об индивиде как центре сознания, мыслей и действий. О саморефлексии, интроспекции, анализе чувств и душевных побуждений свидетельствует рост числа автобиографических источников. В основном в автобиографиях раннего Нового времени присутствуют лишь регистрация и описание событий. Индивид еще не является центром размышлений, а описывается как носитель тех или иных социальных функций. Однако, как отмечает О. Ульбрихт, определенные экзистенциальные события – смерть близких родственников, собственные тяжелые болезни или несчастья – «представляют собой важные поводы для раскрытия индивидуальности в виде чувств. Тогда индивид на короткое время побеждает хрониста» [17, S. 115, 116]. Со временем происходит процесс постепенного выделения «Я» из безличных социальных характеристик. Описывая события собственной жизни, человек не просто безоценочно передает ход событий, а отображает субъективное отношение к миру, другим людям и самому себе. Он выступает одновременно и субъектом и объектом собственного повествования, отстраняется от самого себя, смотрит на свои мысли и действия со стороны.

По мнению Е.Е. Сапоговой, приватность является необходимым условием автобиографирования. Она позволяет обратить сознание к самому себе, оградив то сокровенное внутреннее пространство, в котором человек пребывает наедине с самим собой, переживает себя подлинным, вне призм социальной роли и статуса. Приватность выступает как «зона персональной экзистенциальной рефлексии, в которой осуществляется самопонимание и согласование себя-наличного и себя-проектного, каким человек хотел бы видеть себя в будущем» [7, с. 41]. Приватность является условием осознания собственной самости. Благодаря приватности человек может переживать себя как уже существующего, так и как некую потенцию, позволяющую реализовать заложенные в нем способности, сотворить самого себя.

Постепенно ослабевало влияние сословной семьи и церкви. Новая буржуазная идеология самоутверждения индивида питалась из различных источников, в первую очередь из культуры эпохи Просвещения, которое Кант определял как «выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие – это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» [3, с. 29], причиной чего является недостаток решимости действовать без внешнего руководства. Новое время требовало от человека умения жить собственным умом.

Писатели и философы эпохи Просвещения пропагандировали в своих статьях и произведениях самопознание, самостоятельность и ответствен-

ность за самого себя. В среде буржуазии на рубеже XVIII–XIX вв. стал культивироваться индивидуализм, прежде всего в связи с Французской революцией, которая в своих идеях о свободе, равенстве и братстве «признавала приватный мир, побуждающий индивида размышлять о своем положении, ставить собственные цели и устраивать жизнь в соответствии с собственными субъективными желаниями» [11, S. 267].

Результатом такого самоопределения стали новые общественные образования, прежде всего литературно-философские кружки, в которых каждый воспринимал себя не как представителя определенного сословия, а как индивидуальность, что создавало платформу для нового самосознания. Растущий литературный рынок послужил развитию дискуссионного общества, в котором распространялись знания и новые идеи свободы и равенства и прежде всего конструировался мир чувств. Образы из «Клариссы» или «Страданий юного Вертера» воздействовали на духовную жизнь людей той эпохи. В результате возникновения новых ценностей буржуазного общества свершился исторический переход, сопоставимый «по значимости с “осевым временем” возникновения древних цивилизаций, захвативший Западную Европу XV–XVIII вв., потребовавший творческих сил и метаморфоз Возрождения, Реформации, Барокко, Просвещения» [1, с. 19]. Это был не просто переход от одной традиционалистской модели к другой, но беспрецедентный в мировой истории переход к модели уникальной и неповторимой личности.

Развившийся индивидуализм вызывает потребность в сфере приватности, которая становится важной в эпоху Нового времени вместе с носителем новых ценностей – буржуазией. Наиболее очевидный признак перехода к модерну – сведение домашнего хозяйства к нуклеарной семье и разделение жилья и работы. Дом превратился в «приватное убежище, в место отдыха, куда возвращается после своих публичных дел мужчина, и единственной сферой влияния женщины, чьи задачи были ограничены воспитанием детей и демонстрацией буржуазной добропорядочности в материальном, эстетическом и нравственном смысле» [14, S. 503].

Потребность в приватности реализуется в быту. Если в традиционном обществе человек постоянно был на виду, не имея собственного личного пространства, то теперь жизнь в городской нуклеарной семье способствовала обособлению индивидов. Индивид стремится оградить «свой быт от непрошеного вторжения, обзаводится замками, дверными молотками и колокольчиками, позже о визитах начинают договариваться заранее письменно или устно, еще позже – созваниваться по телефону» [4, с. 184]. Обладание домом имело большое значение для буржуазного самосознания и для общественного признания. Жилое пространство теперь разделяется на отдельные комнаты: выделяется спальня, гостиная, детская. Диффе-

ренциация домашних помещений была связана с постепенным усилением роли индивидуума в обеспеченных сословиях. Теперь обитателю дома требуется собственное место, где бы он мог отдохнуть, заняться чтением, размышлениями или общением с семьей и друзьями, т. е. защищенное от непрошеного вмешательства приватное пространство.

Индивидуализация жизненных отношений была характерной чертой Нового времени. Но она зачастую происходила не в результате добровольного выбора индивида, а в силу требований изменившегося общества и сопровождалась необходимостью принимать самостоятельные решения, вместо того чтобы бездумно подчиняться таким институтам традиционного общества, как церковь или род, ранее выполнявшим роль посредников между человеком и миром. Индивидуализация несла с собой новые вызовы и напряжения, с которыми человек зачастую не мог справиться. Ее сопровождали страх и одиночество, бегство от свободы и ответственности, ощущение оторванности от корней и социальной группы, являвшиеся платой за новообетенную свободу.

Следствием индивидуализации стала нервозность, превратившаяся в примету Нового времени. Индивид, покинув привычный ход вещей традиционного общества, попал «в тревожный новый мир ненадежных норм, где нет распределения социальных ролей, где нужно обо всем заботиться самому и нести собственную ответственность. И поскольку с другими людьми происходит то же самое, то столкновения различных жизненных проектов становятся всё более жесткими» [6, с. 26].

Потребность приспособиться к новому и непривычному значению отдельной личности проявилась в европейской литературе прежде всего у романтиков, отразивших в своем творчестве столкновение с ранее невиданными возможностями и трагедии, связанные со свободным выбором. «Отзвуки величественного, но полного искусов и страданий восхождения индивидуалистической культуры будут слышаться вплоть до ницшевского Заратустры, продолжаться тысячекратно и в нашем веке» [1, с. 25].

Наряду с ростом возможностей индивидуализм предполагал проблему личной ответственности, разрушение чувства безопасности жизни в традиционном обществе, с его тесными материальными и эмоциональными связями. Страх бедности, болезни, потеря религиозной определенности стали платой за индивидуализм. Теперь человек в одиночку, без помощи Бога или общины, был вынужден противостоять темным силам судьбы. Индивид чувствовал себя выброшенным в мир, в котором более нет безопасного места, в мир, где он самостоятельно конфронтрует со страхом и одиночеством.

Безжалостный капитализм вызывал опасение быть выброшенным на обочину общества, порождая огромное внутреннее напряжение и необходимость скрывать свои чувства. Поэтому так востребована становится

возможность временной передышки от страхов и напряжений буржуазного века в своем собственном приватном пространстве. Буржуазная культура превозносила тихий домашний мир как место, дарующее защиту «до того момента, когда всё обратится в ничто. Уютный дом дает возможность временного удовольствия, пытается противостоять неумолимому течению времени. Здесь можно немного насладиться мирскими радостями, здесь накрыт стол, здесь человек чувствует себя благополучно» [13, S. 413].

В современном постиндустриальном мире приватное бытие также всё чаще противопоставляется окружающему миру с его постоянной технологизацией, ускорением темпов жизни и отчуждением. В этом контексте усиливается роль собственного домашнего очага, дающего временную передышку от постоянно растущих требований общества.

Таким образом, история приватности неразрывно связана с развитием индивидуального начала. Ключевой функцией, которую выполняет приватное, является обеспечение проблем и интересов индивида. Она может быть понята лишь исходя из сложного социокультурного контекста: экономического, политического и культурного развития общества. Потребность в закрытом от публичности приватном пространстве, защищающем интересы индивида, зарождается с переходом от традиционного общества к обществу модерна, фундаментом которого является пространственное разделение работы и дома и основывающаяся на взаимной привязанности нуклеарная семья и домашний очаг, защищающие человека от стремительных перемен окружающего мира.

Литература

1. *Баткин А.М.* Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. – М.: РГГУ, 2000. – 1005 с.
2. *Душин О.Э.* Исповедь и совесть в западноевропейской культуре XIII–XVI вв. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 156 с.
3. *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т.: пер. с нем. – М.: Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 29–37.
4. *Кон И.С.* Открытие «Я»: Историко-психологический этюд // Новый мир. – 1977. – № 8. – С. 176–195.
5. *Кравченко И.И.* Приватность [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. – М.: Мысль, 2001. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8928 (дата обращения: 26.08.2019).
6. *Радкау Й.* Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / пер. с нем. Н. Штильмарк; под науч. ред. С. Ташкенова. – М.: ИД ВШЭ, 2017. – 552 с.
7. *Сапогова Е.Е.* Автобиографирование как процесс самодетерминации личности // Культурно-историческая психология. – 2011. – № 2. – С. 37–51.

8. Ходус Е.В. Приватность как конвенциональный концепт: к обоснованию исследовательской стратегии // Научно-теоретический альманах «Грани». – 2016. – Т. 19, № 10 (138). – С. 30–37.
9. Benn S. Privacy, freedom and respect for persons // Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology / ed. by F.D. Schoeman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 223–244.
10. Dinzelsbacher P. Das erzwungene Individuum. Sündenbewußtsein und Pflichtbeichte // Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart / hrsg. von R. van Dülmen. – Köln: Böhlau, 2001. – S. 41–60.
11. Dülmen R. van. Freundschaftskult und Kultivierung der Individualität um 1800 // Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart / hrsg. von R. van Dülmen. – Köln: Böhlau, 2001. – S. 267–286.
12. Gestrich A. Kindheit und Jugend – Individuelle Entfaltung im 20. Jahrhundert // Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart / hrsg. von R. van Dülmen. – Köln: Böhlau, 2001. – S. 465–488.
13. Glaser H. Bürgerlicher Hedonismus // Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart / hrsg. von R. van Dülmen. – Köln: Böhlau, 2001. – S. 407–438.
14. Hatje F. Die private Öffentlichkeit des Hauses im deutschen und englischen Bürgertum des 18. und 19. Jahrhunderts // Das Haus in der Geschichte Europas: Ein Handbuch / hrsg. von J. Eibach, I. Schmidt-Voges. – Berlin: de Gruyter, 2015. – S. 503–523.
15. Ohlig K.-H. Christentum-Individuum-Kirche // Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart / hrsg. von R. van Dülmen. – Köln: Böhlau, 2001. – S. 11–40.
16. Reiman J. Privacy, intimacy and personhood // Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology / ed. by F.D. Schoeman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 300–317.
17. Ulbricht O. Ich-Erfahrung. Individualität in Autobiographien // Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart / hrsg. von R. van Dülmen. – Köln: Böhlau, 2001. – S. 109–144.
18. Wagner C. Porträt und Selbstbildnis // Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart / hrsg. von R. van Dülmen. – Köln: Böhlau, 2001. – S. 79–108.
19. Warren S.D., Brandeis L.D. The right to privacy // Philosophical Dimensions of Privacy: An Anthology / ed. by F. Schoeman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 75–104.

Статья поступила в редакцию 27.01.2019.

Статья прошла рецензирование 18.03.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-375-389

INDIVIDUALIZED SOCIETY AS A SOCIOCULTURAL FOUNDATION OF PRIVACY

Chesnokova Lesya,
Cand. of Sc. (Philosophy),
Employee of Omsk State Transport University,
35, K. Marx Ave., Omsk, 644046, Russian Federation
ORCID: 000-0003-4283-0443
L.Tchesnokova@mail.ru

Abstract

The article discusses the relationship of the need for privacy with the development of the individualism. The right to privacy as the autonomy of the self first appeared in Western European culture basing on the idea of individualism. Privacy protects an individual from the unwanted interference of society and the state. The realization of the right to privacy depends on the social environment – the norms and customs of society.

The process of individualization took place as a result of the transition from the traditional society to the modern society, which gave a person both the right and the duty to make decisions regarding his own life. An individual received a chance to become the creator of his own destiny, which had previously been socially predetermined.

The development of privacy and individualism requires an appropriate sociocultural foundation that emerged during the evolutionary process, which originated in the High Middle Ages and accelerated during the transition to the New Age. Individualization is associated with the development of the inner world as the basis of subjectivity, which was particularly influenced by the Catholic confession, which prompted the analysis of one's own spiritual motives and the teachings of Protestantism with its idea of personal responsibility.

The reflection of the growth of the individuality of consciousness is reflected in the art of portrait and self-portrait, depicting a human face in its originality. Increased interest in one's own self, in one's own emotional life, is expressed in introspection, analysis of one's own feelings and motives, as evidenced by the growing number of autobiographical sources. The growing literacy of the population led to the popularity of literary and philosophical societies, which discussions created a platform for bourgeois publicity. Industrialization, which entailed the separation of the place of work and home, served to create a home as a closed private space and a nuclear family as one of the most important values of bourgeois society. Individualization brought for a person both new chances in the form of the right to self-determination and self-development, as well as certain risks and contradictions: the fear of loneliness, the feeling of being thrown out into the world, the need to make an independent choice and solely responsible for its consequences.

Keywords: privacy, individualism, autonomy of personality, Modernity, Western European culture, nuclear family, bourgeois society.

Bibliographic description for citation:

Chesnokova L. Individualized society as a sociocultural foundation of privacy. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 3, pt. 2, pp. 375–289. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-375-389.

References

1. Batkin L.M. *Evropeiskii chelovek naedine s soboi. Ocherki o kul'turno-istoricheskikh osnovaniyakh i predelakh lichnogo samosoznaniya* [European man alone with himself. Essays on cultural and historical foundations and the limits of personal identity]. Moscow, RGGU Publ., 2000. 1005 p.
2. Dushin O.E. *Ispoved' i sovest' v zapadnoevropeiskoi kul'ture XIII–XVI vv.* [Confession and conscience in the Western European culture XIII–XVI centuries]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2005. 156 p.
3. Kant I. Otvet na vopros: chto takoe Prosveshchenie? [Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?]. Kant I. *Sobranie sochinenii*. v 8 t. [Complete Works: in 8 vol.]. Translation from German. Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 8, pp. 29–37. (In Russian).
4. Kon I.S. Otkrytie “Ya”: Istoriko-psikhologicheskii etyud [Opening the “I”: Historical and psychological study]. *Novyi mir – Soviet Studies in Literature*, 1977, no. 8, pp. 176–195.
5. Kravchenko I.I. Privatnost' [Privacy]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8928 (accessed 26.08.2019).
6. Radkau J. *Das Zeitalter der Nervosität. Deutschland zwischen Bismarck und Hitler*. München, Carl Hanser Verlag, 1998 (Russ. ed.: Radkau I. *Epoha nervoznosti. Germaniya ot Bismarka do Gitlera*. Translated from German by N. Shtil'mark. Moscow, HSE Publ. House, 2017. 552 p.).
7. Sapogova E.E. Sapogova E.E. Avtobiografirovanie kak protsess camodeterminatsii lichnosti [Autobiographic Activities as the Process of Personal Self-Determination]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 2011, no. 2, pp. 37–51.
8. Khodus E.V. Privatnost' kak konventsional'nyi kontsept: k obosnovaniyu issledovatel'skoi strategii [Privacy as the conventional concept: to the rationalization of the research strategy]. *Nauchno-teoreticheskii al'manakh “Grani” – Scientific-theoretical almanac “Grani”*, 2016, vol. 19, no. 10 (138), pp. 30–37. (In Russian).
9. Benn S. Privacy, freedom and respect for persons. *Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology*. Ed. by F.D. Schoeman. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. pp. 223–244.
10. Dinzlacher P. Das erzwungene Individuum. Sündenbewußtsein und Pflichtbeichte. *Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Hrsg. von R. van Dülmen. Köln, Böhlau, 2001, ss. 41–60. (In German).
11. Dülmen R. van. Freundschaftskult und Kultivierung der Individualität um 1800. *Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Hrsg. von R. van Dülmen. Köln, Böhlau, 2001, ss. 267–286. (In German).

12. Gestrich A. Kindheit und Jugend – Individuelle Entfaltung im 20. Jahrhundert. *Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Hrsg. von R. van Dülmen. Köln, Böhlau, 2001, ss. 465–488. (In German).
13. Glaser H. Bürgerlicher Hedonismus. *Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Hrsg. von R. van Dülmen. Köln, Böhlau, 2001, ss. 407–438. (In German).
14. Hatje F. Die private Öffentlichkeit des Hauses im deutschen und englischen Bürgertum des 18. und 19. Jahrhunderts. *Das Haus in der Geschichte Europas*. Hrsg. von J. Eibach, I. Schmidt-Voges. Berlin, de Gruyter, 2015, ss. 503–523. (In German).
15. Ohlig K.-H. Christentum-Individuum-Kirche. *Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Hrsg. von R. van Dülmen. Köln, Böhlau, 2001, ss. 11–40. (In German).
16. Reiman J. Privacy, intimacy and personhood. *Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology*. Ed. by F.D. Schoeman. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. pp. 300–317.
17. Ulbricht O. Ich-Erfahrung. Individualität in Autobiographien. *Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Hrsg. von R. van Dülmen. Köln, Böhlau, 2001, ss. 109–144. (In German).
18. Wagner C. Porträt und Selbstbildnis. *Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Hrsg. von R. van Dülmen. Köln, Böhlau, 2001, ss. 79–108. (In German).
19. Warren S.D., Brandeis L.D. The right to privacy. *Philosophical Dimensions of Privacy: An Anthology*. Ed. by F. Schoeman. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 75–104.

The article was received on 27.01.2019.

The article was reviewed on 18.03.2019.